

Серия
недетские
КНИЖКИ

Изабель Пандазопулос

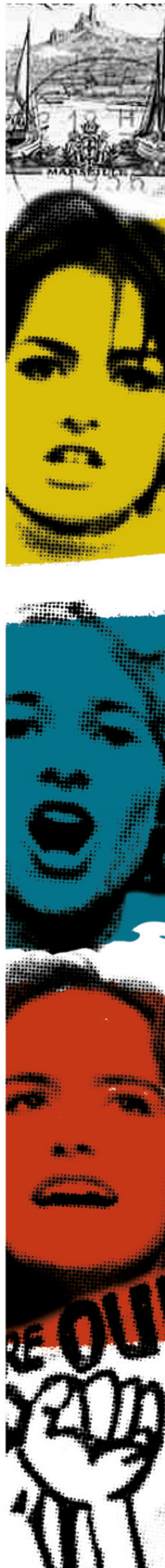
Три девушки в ярости

Очень личная
переписка.
Без цензуры

16+

Недетские книжки

Изабель Пандазопулос
Три девушки в ярости

«Самокат»

2017

Пандазопулос И.

Три девушки в ярости / И. Пандазопулос — «Самокат»,
2017 — (Недетские книжки)

ISBN 978-5-91759-816-1

1968 год. Париж. Сюзанна – парижанка, дочь банкира. Она тяготится размеренной буржуазной жизнью своего внешне благополучного семейства. Магда только что переехала с отцом из ГДР в Западный Берлин. Она пытается вновь обрести память, утраченную после какого-то страшного потрясения. Гречанка Клеомена – коммунистка, она бежит в Париж от диктатуры «чёрных полковников», преследующих всю её семью. Им по 18. И да, им есть от чего прийти в ярость! Этот головокружительный роман раскрывается перед читателем как старый сундук, полный секретов: архивные фотографии, карты, фрагменты дневников и... письма.

ISBN 978-5-91759-816-1

© Пандазопулос И., 2017

© Самокат, 2017

Содержание

Период I	7
Письмо 1	7
Письмо 2	10
Письмо 3	13
Письмо 4	15
Та же – той же	17
Письмо 5	18
Письмо 6	19
Письмо 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Изабель Пандазопулос

Три девушки в ярости

Перевод Дмитрия Савосина

Литературный редактор Нина Хотинская

Корректоры Рита Гутман, Надежда Власенко

Верстка Валерия Харламова

Художественный редактор Влада Мяконькина

Ведущий редактор Анна Штерн

Главный редактор Ирина Балахонова

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института в России

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français de Russie

ISABELLE PANDAZOPOULOS
TROIS FILLES EN COLÈRE

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

* * *

Антуану, его нутряной страсти к свободе

Για τον πατέρα μου¹
Für meine Mutter²

ПАРИЖ

Семья Лаваголейн

Сюзанна Лаваголейн, родилась в 1949 году в Берлине

Максим Лаваголейн, отец Сюзанны, богатый банкир

Ильза Лаваголейн, урождённая Мюльмейстер, мать Сюзанны

Дитер Мюльмейстер, родился в 1945 году, сын Ильзы и сводный брат Сюзанны. От неизвестного отца?

Фаншетта, экономка, служит семейству Лаваголейн всю жизнь

БЕРЛИН

Семья Мюльмейстер

Магда Мюльмейстер, родилась в 1949 году в Берлине

Карл Мюльмейстер, брат Ильзы, художник, отец Магды

Сибилла Мюльмейстер, декоратор, мать Магды

Ганс, Лотта и Хайди, брат и сёстры Магды

АФИНЫ

Семья Рунарис

Клеомена Рунарис, родилась в 1949 году в Нафплионе, в подполье

Ставрула Рунарис, мать Клеомены, участница сопротивления нацистской оккупации

Яннис Рунарис, отец Клеомены, участник сопротивления нацистской оккупации, преподаватель, политический заключённый

Мицо Рунарис, брат Клеомены

Эти письма случайно попали ко мне в руки. Они лежали на дне чемодана, старого, мятого и совершенно изношенного, – я купила его за три гроша у старёвщика. Вместе с письмами внутри лежали несколько газетных статей, вложенных в конверты, листовки, план Берлина, карта Греции и ещё исписанные листочки, вырванные из школьных тетрадок.

Эта переписка, которая начинается в августе 1966 года и заканчивается в ноябре 1968-го, складывалась в цельную картину. Я лишь расположила всё в хронологическом порядке, позволив себе кое-где вставить кое-какие ссылки от себя, коль скоро это казалось мне уместным. Я сохранила и все сопутствовавшие этим письмам архивы – в том виде, в каком я их нашла, – учитывая, что историческая правда – штука крайне субъективная.

¹ Моему отцу (греч.).

² Моей матери (нем.).

Период I Август – декабрь 1966 1966

Письмо 1 *Сюзанна – Магде*

Париж,
26 августа 1966
Моя дорогая Магда!

Три дня, как ты уехала! Три дня, а точнее – семьдесят два часа, или четыре тысячи триста двадцать минут, или двести пятьдесят девять тысяч двести секунд! Ты, зная, что каждая секунда равна тысяче лет, можешь представить, каково мне это. Я такая же чахлая и съёженная, как те нормандские яблочки, что привозит нам Фаншетта и сама потом целый год с ними возится. Не подымай очи горе, я ничуть не преувеличиваю, уж будь любезна поверить, что я в отчаянии. И отказываюсь проявлять благоразумие. Или прилично себя держать. Мне бесконечно грустно, и с какой стати скрывать это? Да, ты права, я немного слишком сгущаю, и обстоятельства так жестоки, что я ни в чём не хочу себя стеснять: с самого твоего отъезда мне хочется только плакать. Нет – ещё стонать, сердиться, вопить о несправедливости! Я злюсь на весь свет. Сегодня я встретила Франсуазу и Монику, они шли под ручку по Люксембургскому саду, по той же аллее, что и мы, когда идём в лицей. Слава богу, они меня не заметили! Иначе я не смогла бы скрыть ту ярость, которая охватывает меня всю без остатка, стоит мне увидеть двух этих кумушек! До какой же малости я скукожилась, если завидую этой паре дур?!

Скоро начнётся учебный год, и меня утешает лишь мысль, что это – последний. На будущий год я поступаю в университет и втайне надеюсь, что ты тоже будешь там вместе со мной! Объяснение мы найдём, ведь обучение в Берлине наверняка оставляет желать лучшего. Обязательно. Уже представляю нас с тобой в Сорбонне! И не отвечай с твоей серьёзной миной, что не можешь мне ничего обещать!

Ненавижу наигранное благодушие бодрячков, а ведь именно его я прочла на твоём лице, когда мы прощались у дверей дома. Ты даже слезы не пролила, держалась, словно кол проглотила, а маленький чемоданчик стоял у твоих ног. Тот самый, с которым ты пять лет назад приехала в Париж. Дрянная и древняя рухлядь, пыльная, и вся сморщенная, и такая же жёсткая, как твой отец. Он так крепко держал тебя за плечо, словно до последнего боялся, что ты откажешься с ним возвращаться. Это ж надо – так плохо тебя знать!

А мне бы так хотелось, чтобы нас отрывали друг от друга насильно, чтобы тебя швырнули на пол, а ты бы изошла страшным криком – таким же сильным, как твоя тоска оттого, что ты покидаешь этот дом, этот город и эту страну, ставшие тебе уже почти родными, разве не так?

Разве не так?

Ты не проронила ни слова, ты на меня даже не посмотрела. Так что теперь и я уже не уверена, а есть ли ты вообще... Ну что, ты наконец-то чувствуешь себя свободной? О, скажи, что тебе меня не хватает, что ты не забудешь меня... Нет-нет, скажи мне правду, главное – ничего не исправляй в своих письмах. Давай держать слово, давай рассказывать друг другу всё-всё до мельчайших подробностей, так мы не потеряемся. Ну, вроде того как теми вечерами, когда я приходила к тебе в кровать, мы лежали рядом, и смеялись, и рассказывали друг другу всякую

чепуху, пока не проваливались в тёмную пучину сна. То есть засыпала-то я. А ты всё ещё считала баранов... А теперь, в Берлине, тебе спится лучше? У тебя больше нет кошмаров?

Я смотрела, как вы с дядей Карлом уходите всё дальше, с узкого балкона комнаты Дитера. Он, брат мой, стоял рядом, но не говорил мне ни слова. Он обеими руками сжимал кованые железные перила с такой силой, что мне показалось, его вены вот-вот лопнут. Он похож на тебя – тоже держит всё в себе. Я исподтишка наблюдала за ним, он почти пугал меня. Я шепнула, что мы будем скучать по тебе. Он обдал меня презрительным взглядом, каким всегда на меня смотрит. Твой отъезд причинил ему боль, ведь вы оба были очень дружны, хотя я не представляла, что до такой степени.

Дядя Карл шагал торопливо. Ты так старалась не отставать, ты шла, опустив голову. Ох, сладкая моя, признаешься ли, о чём тогда думала? Твоего отца видно издалека. Скажу тебе уж всё, что думаю: дядю, с его безобразным телом, которому приходится прикладывать столько усилий, чтобы двигаться, я считаю очень уродливым! Знаю, что говорю не по-христиански, но у твоего отца манеры животного. Он такой молчун. У него такой мрачный взгляд. Не ври мне, я знаю – ты тоже боишься его. Помнишь, ни с того ни с сего ты вдруг становилась чересчур серьёзной и понижала голос до шёпота. Как в доме с покойником.

И, видишь ли, чемодан-то твой был тяжёлый. Неся его, ты так и норовила завалиться на сторону, а он, твой отец, даже не соизволил заметить. И уж тем более не пожелал вызвать такси, а ведь мама предлагала его оплатить. Мне невыносимо, что ты возвращаешься к такой жалкой жизни, а он отказывается от нашей помощи, уж не знаю как объяснив это... Наверное, своими жизненными принципами. Да ведь это смешно! А о твоей гордости он подумал? Что он может понять в той жизни, к которой ты уже привыкла? Решительно ничего, он даже представить себе её не способен, в этом я абсолютно уверена. В каком жалком углу он собирается вас поселить? Я знаю тебя, жаловаться ты не умеешь, ты ничего мне об этом не скажешь, но я догадаюсь сама.

Мне не нравится твой отец. Это презрение, которое сквозит во всех его движениях... Но в чём же он нас упрекает? Я уже спрашивала об этом маму, но она отвела взгляд, при этом сделав такой лёгкий жест рукой, словно вычёркивала это чувство совсем.

Стоило тебе скрыться за углом улицы, и атмосфера в доме уже не та. Сперва я подумала, что мне нечем стало дышать от моего внезапного одиночества. Но я быстро поняла другое: именно ты заставляла нас обоих держаться.

Мама теперь почти не выходит из спальни. Сегодня она даже не стала одеваться. Спустилась к обеду в длинном пеньюаре из розового и серого атласа, ничего не сказала, посмотрела мимо всех и раскритиковала всё, что Фаншетта поставила на стол. Как только папа раскрывал рот, она бросала на него пренебрежительный взгляд и дошла даже до упрёков в его адрес, когда он заговорил о погоде за окном. Я сперва подумала, что они просто поссорились. То же самое повторилось на другой вечер. Но тут уж я поняла, что всё куда серьёзнее. Папа ничего не ел. Саркастические выпады жены он воспринимал даже без возражений. Я ничего не понимала. Вот тебе и раз, а ведь летом в Сан-Рафаэле всё было хорошо.

А потом, за ужином, папа ни с того ни с сего со своей обычной иронией стал надо мной подтрунивать. Наверное, хотел переменить тему разговора. Ты же знаешь, тут вечно у всех на языке моё «озорство» в области одежды! Мою стрижку он называл посмешищем, а платье нашёл слишком коротким. Я таким же игривым голоском парировала, что в реальной жизни девушки теперь всю показывают коленки и это уже никого не шокирует, кроме некоторых старых джентльменов в чёрном.

Я разозлила его, вывела из себя. Он перестал скрывать озлобленность: теперь я-де уже не так мила и того менее изящна, чтобы простить мою наглость. В моём положении лучше всего оставаться скромной и услужливой.

Никогда ещё он не был таким противным. Я просто онемела. Повернулась было к матери за поддержкой, надеясь, что она постоит за меня, возразив хоть словечком. Она побелела как мел. Но ничего не сказала!!! Просто встала и вышла из комнаты. Я заперлась у себя в спальне. Быть одной стало невыносимо. Тогда я вспомнила, как привыкла делать, когда была маленькой, и пришла на кухню к Фаншетте. У меня в глазах стояли слёзы. А она улыбнулась, увидев меня.

– Ты всех милее, – только и сказала она.

И снова повернулась к плите. От меня что-то скрывают. Как будто гроза проревела вдалеке, но не разразилась, прошла стороной.

Вот пишу тебе, а ведь мне давно время спать.

А у тебя есть своя спальня?

Нежно целую, твоя кухня

Сюзанна

Письмо 2

Карл – Ильзе

Берлин,
28 августа 1966
Дорогая Ильза!

Магда со дня на день ждёт письма от своей кузины Сюзанны. Скажи ей, чтоб посылала свои письма моему другу Францу по причинам, о которых я тебе уже говорил. Я хочу, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

Вот наконец мы в Берлине после долгого и утомительного путешествия. Поселились в маленькой, не очень удобной квартирке, но пока что это нас очень устраивает. Твоё письмо меня весьма и весьма позабавило. Целых три страницы советов насчёт Магды – как будто речь о твоей собственной дочке, которую ты решилась доверить незнакомым и безответственным людям. Как это на тебя похоже, дорогая моя сестрица, – как ни в чём не бывало цедить свои банальности с благодушным видом и сладкой любезностью. Пять лет не видались, а ничего не изменилось. Ты всё ещё считаешь меня эгоистичным и опасным идеалистом. А меня по-прежнему огорчает, что ты жена этого спесивого банкира.

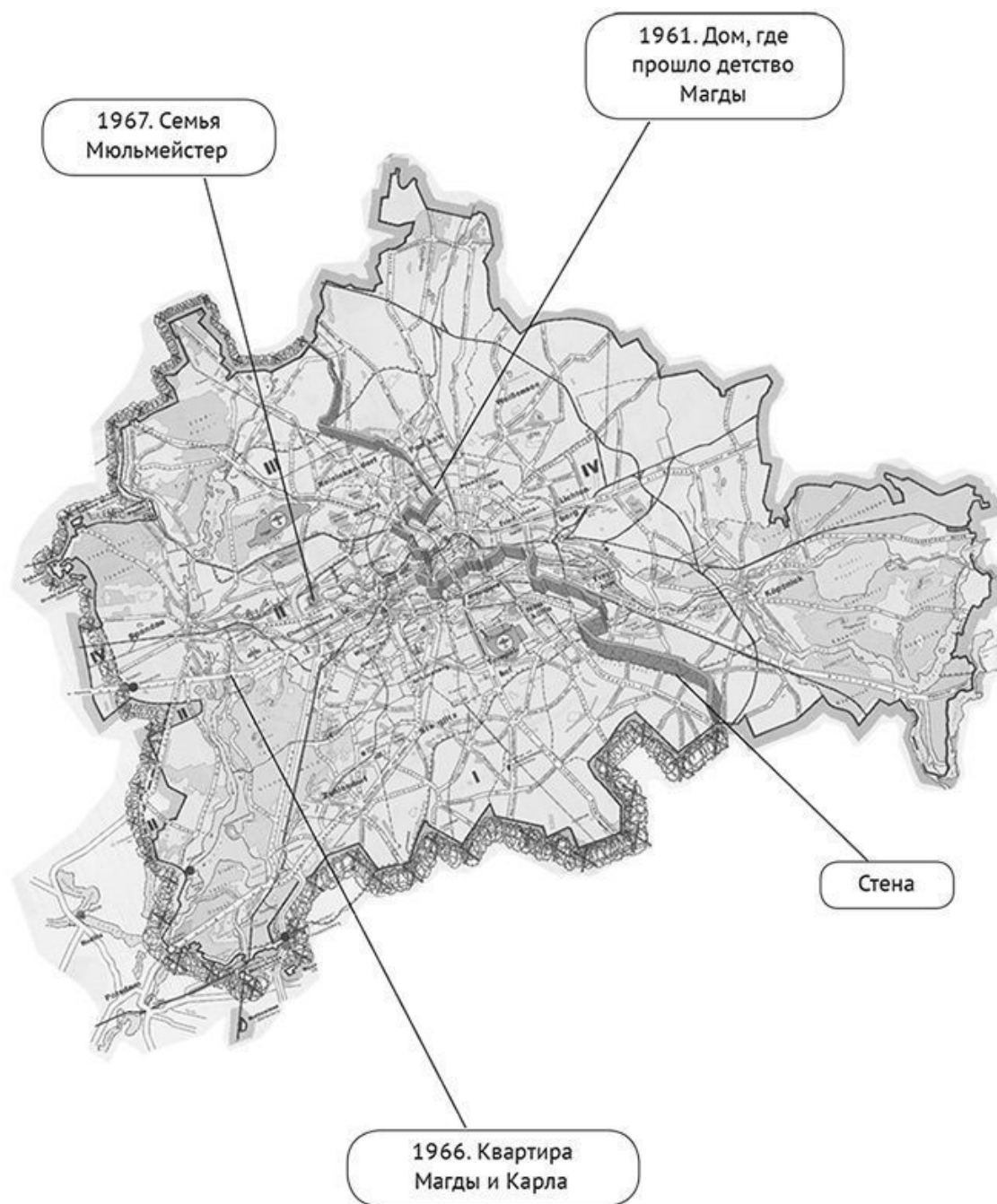
Ну, высказав всё, хочу тебя и поблагодарить за хлопоты о Магде. Она рассказала мне о вас много хорошего. И я чувствую, что в Париже она была действительно очень-очень счастлива.

Я сам перестаю узнавать свою дочурку, и это сбивает меня с толку. Как рассказать ей о тех пяти годах, что я прожил без неё? Она выросла в Париже, где все так о ней заботились, так далеко от нашего мира... Я не решаюсь поговорить с ней. Каждый день надеюсь, что она поймёт сама. Я хотел бы, чтобы со мной была её мать и мы бы обо всём ей рассказали. Так было бы лучше для всех нас. Скорее бы мы соединились по эту сторону Стены.

Давай регулярно сообщать друг другу новости. И не забывай заботиться о себе. Мне что-то показалось, ты очень плохо выглядишь.

Твой брат
Карл

Западный Берлин и Восточный Берлин

Строительство Стены, разделившей город на две части. Берлин
1961

Письмо 3

Магда – Сюзанне

Берлин,
28 сентября 1966

Моя дорогая Сюзанна!

Время бежит. Уже месяц, как я получила твоё письмо. Мне трудно отвечать тебе. Ты сама знаешь почему. Говорить о себе мне тяжело. А ещё тяжелее, если приходится о себе писать. Но я тебе обещала. Итак, вот. Я держу слово.

Пожалуйста, больше никогда не спрашивай, скучаю ли я по тебе. Это идиотизм. Я не хочу об этом думать. Я должна привыкать к своей жизни, какой бы она ни была. Так нужно. Потому что – да, конечно, мне тебя очень не хватает. Очень-очень.

Ты права. Мой отец странный. Например, когда мы идём по улице, он то и дело озирается, будто что-то выпало у него из кармана. Возвращаясь домой, всегда выбирает окольные пути. Если я о чём-то спрашиваю, он никогда не отвечает мне прямо. И я больше ни о чём не спрашиваю. Особенно когда мы внутри, в квартире. Он подносит к губам палец и возводит глаза кверху, чтобы я поняла: нужно помалкивать. Каждый вечер запирает дверь на два оборота и сто раз проверит, надёжно ли запер. Всё время повторяет, что я не должна доверять людям, которые хотят подружиться со мной в лицее, а особенно если они начинают расспрашивать, откуда я приехала и почему вернулась в Берлин... Короче, всё так, будто мы в какой-то опасности.

В конце концов я так у него и спросила. Он просто пожал плечами. Не знаю, что это за ответ такой. Пробормотал, что сожалеет, но мне же лучше, если я ничего не буду знать.

– Это чтобы тебя защитить...

– Но от чего? – спросила я.

– От Штази. Политической полиции восточной части Германии. От тех, кто нас сажал...

– А я-то думала, что ты свободен и скоро мама с Лоттой, Гансом и Хайди тоже будут с нами. Ты ведь именно так говорил мне в поезде?

Оставил без ответа. Я настаивала:

– Это так или не так?

– Ну, так.

– А что изменилось?

– Не знаю.

Я махнула рукой. Пошла спать. Заснула. Проснулась. Вокруг непроглядная ночь. Мне хотелось пить. Я встала. Его не было. Я немного подождала. Наконец выглянула на лестничную клетку. Пусто. А потом дверь тех соседей, что напротив, приоткрылась, и появился мой отец – он благодарил их. Он заходил от них позвонить.

Всё это выглядело странно. Я проскользнула к себе. Утром не обмолвилась ни словом о том, что видела. Я прекратила задавать ему вопросы.

Мне страшно. Я должна доверять ему. Я должна терпеть. В конце концов я пойму.

Трудно принять то, что со мной происходит. Возвращаясь в Берлин, я думала, что память ко мне вернётся. Теперь уже не надеюсь. Я всё ещё не знаю, что произошло тогда, в августе 1961 года, когда возвели Стену. Ни как, ни почему я оказалась совсем одна на западе, по другую сторону Стены. Это выматывает меня.

Мы живём в двух маленьких комнатах, которые сдаёт нам Франц, старый друг. Папа говорит, что это временное размещение. Оно как раз такое печальное и тёмное, как ты и предвидела. Нам ничего не принадлежит. Никакого воспоминания. Ни единого следа из нашего

прошлого. Как будто два беглых преступника. Одна радость – когда мы едим. Папа в восторге от того, что сам здесь ходит по магазинам. Говорят, там, по другую сторону, всего не хватает.

Я начала учиться. В гимназии имени Готфрида Келлера в квартале Шарлоттенбург³. Это большое здание из красного кирпича. Каждое утро я прохожу через парк при замке, вспоминая наш Люксембургский сад.

Классы здесь смешанные. Но это, в конце концов, мало что меняет. Или я просто слишком робкая. Или слишком недоверчивая. У меня не получается общение со сверстниками. Зато я обожаю гимнастику. Станки для тренировок тут современные. Учителька очень молодая. Она подбадривает меня. Когда я кручусь на турнике, мне кажется, что я вот-вот превращусь в вертящийся диск, и это мне очень нравится.

Однажды я невольно слишком этим увлеклась. За мной, застыв, следил весь класс. Все захлопали в ладоши. Я покраснела. Ничего не сказала. Очень быстро выскочила вон, не поднимая глаз. Но мне было ужасно приятно.

Ну вот, Сюзанна. А тебе, должно быть, предстоит возвращение в лицей Сент-Клотильд. У тебя там молодая учителька с жирными волосами или старая, в шерстяных чулках?

Рассказывай мне обо всём. Мне приятно слышать от тебя любую деталь.

Тысяча поцелуев,

Магда

³ Шарлоттенбург – квартал, замок и парк при замке в западной части Берлина.

Письмо 4

Сюзанна – Магде

Париж,
5 октября 1966

Моя училка старая и в шерстяных чулках, очень-очень старая училка в ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ серых шерстяных чулках. И она ещё хуже, чем кажется на первый взгляд, – всегда немного тряпка, и блёклая, и печальная, и медлительная, как будто, всю жизнь повторяя одно и то же, в одинаковом порядке, одинаковым бесцветным голосом, она превратилась в конце концов в собственную тень. НУ ДО ТОГО СКУЧНАЯ, ЧТО УМЕРЕТЬ МОЖНО!!!!

Читая твоё письмо, я плакала. Но ты права, говорить это без толку. Я постараюсь быть достойной тебя. (Но всё-таки я их НЕНАВИЖУ, и считаю это НЕСПРАВЕДЛИВЫМ, и хотела бы помочь тебе, но не могу, вот что ХУЖЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ!!!!)

Здесь, как ты знаешь, ничего не меняется. Я занимаюсь в том же классе, что и в прошлом году, вместе с той же компанией девочек в белых гольфах и аккуратных воротничках, с большим золотым крестом как знаком первого причастия, что так мило пристроился на их девственной груди. Они всегда в одинаковом настроении, вечно послушны и приветливы, когда рассаживаются за партами, и если хоть немного скучают, подобно мне, то стараются этого не показывать. А потому все они унылые уродины! Это я уж слишком, да?

Что ж, да, пожалуй, слишком: они милы, прилежны, хорошо воспитаны и абсолютно согласны со всем, чему их учат. УЖАС!!!!

Я снова видела Рикардо!! А ведь поклялась больше никогда с ним не встречаться. Думала, что забуду его так же быстро, как забыла Бертрана, Алена и Патрика, но, Магда, с тех пор как ты уехала, мне так тоскливо!

Идя к нему на свидание, я надела тёмно-синее платье (твоё любимое, которое папа называет слишком мрачным, а мама – слишком коротким). Едва заметив его, я поняла: это была ошибка. Всё, что мне нравилось, – его уверенность в себе, его хулиганские повадки, его красивая красная «Веспа» – всё это исчезло.

Он подошёл ко мне, и я бросилась в его объятия. Мы обнимались так, будто только что избежали беды. Он прошептал нежные слова, которые я не осмеливаюсь тебе передать, мягко отвлёл волосы с моего лица, а потом так и вперился в меня взглядом, рассыпаясь в пламенных уверениях. Он говорил, что по мне тоскует, что я стала настоящим наваждением, он не может забыть мою мягкую кожу, мои губы, мечтает увидеть меня голой... И это желание так сильно, что не даёт ему спать.

Ещё никогда мною не был так увлечён ни один мальчик. Меня совершенно околдовал этот потоп чувств и всё более и более настойчивых ласк. Я была околдована, но не теряла головы. Я будто видела всё со стороны. Может быть, чтобы заставить себя пасть, мне не хватало звёзд в небе и шума морского прибоя. Он нравился мне, он меня волновал, и это было так вкусно – чувствовать, как его губы прикасаются к моим. Но другая часть меня отказывалась отпустить тормоза. Я сказала ему, что не знаю, что всё это слишком скоро и мне требуется время.

У него был разочарованный вид. А потом – раздражённый. И наконец он рассердился. Он считал, что мы вместе уже достаточно долго, что он и без того был терпеливым и, честно, он *не подсаживается* на капризных и неопытных девчонок. Повернулся и ушёл. А я осталась одна на скамейке, как дура. Стоило ему свернуть за угол, как я уже пожалела о том, что ему сказала. Ну конечно, я тоже его хотела, ну конечно, моё тело трепетало от его прикосновений. Почему же я не смогла сказать «да», просто «да», и всё?!!! Я ведь так хотела, чтобы ЭТО со мной произошло...

И тогда я ему позвонила. Я назначила ему свидание той же ночью на площади Фюрстенберг⁴, *после полуночи*. Он, кажется, был рад. Прежде чем повесить трубку, мы наговорили друг другу кучу нежностей.

И вот 23 часа...

Я собираюсь тайком спуститься по чёрной лестнице, чтобы уйти незаметно. Так чудесно наконец выйти в настоящую жизнь! На улице свежо, на мостовую капает лёгкий и тонкий дождик, и я уже представляю себе...

Я выбрала площадь Фюрстенберг, потому что она кажется мне очень романтической. Только она и высвечивает моего Рикардо в каком-то ином измерении. Уверена, что ночь довершит остальное...

Ну, я побежала... Письмо оставляю как есть, незаконченным, а вернувшись, расскажу тебе, как будто ты здесь и ждёшь меня в нашей спальне. Как будто ты и не уезжала вовсе...

⁴ Фюрстенберг – площадь в Париже, в квартале Сен-Жермен-де-Пре.

Та же – той же Позднее

Я туда не пошла!..

Думаю, что больше не посмею ему позвонить. Понимаешь сама, что он не поверит мне, если я скажу, что это не моя вина. Ну и ладно!..

Как мне хочется, чтобы ты была здесь. Сейчас почти четыре утра. Мне так и не удалось заснуть. Я не знаю, как тебе кое о чём рассказать. Узнай мои родители только, что я рассказываю тебе обо всём, что не должно выходить за пределы их спальни, – страшно представить себе, как бы они рассердились.

Мама беременна. Ей тридцать девять. Она не хочет ребёнка. Решила избавиться от него. Папа против. Он говорит: ребёнок – это всегда благословение Господне. Он отказывается отпустить её в Швейцарию. Потому что убивать ребёнка – это против его самых глубоких убеждений и, разумеется, его веры. Они наговорили друг другу ужасных гадостей, не хочу даже их повторять тебе. Но думаю, что мама по-настоящему несчастна, а папа ведёт себя так, будто всё, что она говорит, не имеет значения. Потом я пришла повидать Фаншетту. Она шила, как и каждый вечер, и слушала радио, тихонько потрескивавшее рядом с ней. Знаком показала мне: входи. И, ни слова не говоря, вскипятила для меня горячего молока с мёдом, как делала, когда я была маленькой.

– Ты знала, что она, то есть мама, ждёт ребёнка? – наконец не выдержала я.

Она кивнула. И сразу опустила глаза к своему шитью.

– А что у отца есть любовница, ты тоже знала?

Она и глазом не моргнула. Ну ещё бы! Ты знаешь её – уж она-то никогда не скажет о папе ничего плохого: во-первых, потому что он мужчина, а во-вторых, он ведь сын бабушки, а её она так боится.

Я чувствую себя маленькой дурочкой!

Начинается новый день, сырой, серый. Запах опавших листьев поднимается прямо к моей спальне, и мне хочется плакать. Но я не заплачу, нет. У меня чувство, будто весь мир затопила ночь и меня некому утешить.

Ответ побыстрее,

Сюзанна

Письмо 5

Магда – Сюзанне

Берлин,
10 октября 66
Моя Сюзанна!

Твоё длинное письмо получено. Спасибо. Отвечаю сразу же. Только вот не знаю, что сказать. Мне больно представлять, как ссорятся дядя Максим и тётя Ильза. Это они-то, никогда не повышавшие голоса друг на друга! Тебе не стоит осуждать их. То, что ты подслушала, тебя не касается. Ты слишком любопытная. Даже если тебя рассердит то, что я говорю, – ты сама знаешь, что я права... Да я и уверена, всё у них уладится.

В Берлине всё спокойно. Тихо. Соблюдается порядок. Когда мне хочется о чём-то спросить папу, я кусаю губы. Или щиплю себя за ладошку. Бывает, что и до синяков. Я жду. И сейчас, сама видишь, мне нечего рассказать. Не беспокойся. Мне хорошо.

Обнимаю тебя,

твоя Магда

Р. S. Я перечитала своё письмо. И едва удержалась, чтобы не порвать его. От него никому никакой пользы нет. И я действительно совсем не знаю, что ещё сказать. Я много думаю о тебе. И даже если мы вдали друг от друга, то, что происходит с тобой, происходит и со мной.

Р. Р. S. Ах да! Я же забыла про Рикардо! Тебе лучше бы подождать, пока он проявится сам. Или вообще не встречаться с такими болванами. Вспомни сама, как этим летом в Сан-Рафаэле он напился вдрызг, когда Анкетиль продул «Тур де Франс»!

Письмо 6

Клеомена – Мицо

Афины,
2 октября 1966
Мой дорогой брат!

Я уже неделю как приехала в Афины и устроилась на улице Мьяули у Эвридики. Вот выкроила немного времени написать тебе. Кажется, впервые на пять минут присела. Сегодня субботний вечер. Все немного пьяны. Пока они спят (а как храпят), я сбежала, чтобы порадовать тебя парой слов.

Меня пока терпят под кровом этого дома, потому что у меня с собой оставалось немножечко денег. Но я прекрасно понимаю, что это временно. При первой возможности меня вышвырнут. Папино имя вселяет ужас.

Думаешь, настанет такой день, когда мы перестанем скрываться? Думаешь, придёт такой день, когда в Греции станет можно быть коммунистом, не рискуя попасть на виселицу?

Ох, Мицо, как же мне не хватает вас обоих! Засыпая, я каждую ночь всё представляю силуэт мамы на набережной Мицулини и как она всё стояла там, пока корабль не исчез за горизонтом. Так мало надежд на то, что мы все ещё увидимся, пока живы, так мало надежд, что мы все ещё соберёмся за общей трапезой. И разве эти идеи, которым папа посвятил всю свою жизнь, стоят такой жертвы?

Но я по-прежнему верю. И жду тебя. А раз ты задерживаешься, я делаю то самое, что мы планировали и что меня ободряет. Я разыскала посольство Франции и хочу навеститься туда, когда смогу хоть немного помыться. Уверена, что выкручусь. У меня есть уголок, где спать, есть кусочек хлеба каждый день и ещё те деньги, что мы зашили в подкладку моего чемодана. Ну, и чего ещё желать, больше мне ничего не надо.

Эвридика расспрашивала меня, как умер папа. Я сказала ей, что он почил в мире. Она покачала головой, не поверив, а потом перекрестилась, бормоча молитву. Мы ни словом не обмолвились о Макронисосе⁵. Она не хочет знать. А может, и знает, ведь видела же, как другие парни возвращаются после депортации.

Как тяжело всё это вынести, правда ведь, ты тоже так думаешь?

Напиши мне, какие новости в Фессалониках. Надеюсь, ты нашёл работу и всё у тебя хорошо. Удалось ли поступить в университет? Мне хотелось бы знать программу твоих занятий. А то уже скучновато заниматься с детьми Эвридики.

Ответь поскорей!

Клеомена

⁵ Макронисос – самый западный из островов Кикладского архипелага (*Греция*); после прихода к власти «чёрных полковников» использовался как концлагерь.

Письмо 7

Клеомена – своей матери Ставрале

Афины,
9 ноября 1966

Мама, я соскучилась. Не надо бы мне писать тебе этого, но стоит о тебе подумать, и наворачиваются слёзы. Бывает, что я иду по улице, и вдруг что-то тревожит меня без видимых причин. Я роюсь в карманах, как будто забыла ключи от дома, шарахаюсь от теней, и в конце концов до меня доходит: у меня больше нет ключей, у меня нет больше дома. Ветер здесь потеплее, солнце побледнее, оно не умеет палить так, как палит в Пломари, в деревне, где я выросла. Там. Там, где солнце и ветер выбивают силы и прожигают до костей.

А так – всё хорошо. Мне удалось найти работу. Я явилась в посольство, как мы и договаривались. Жак Фонтен говорил со мной добрых четверть часа, у него было время проверить моё знание французского. Его удивила моя образованность. И я с гордостью ответила, что меня всему научили вы.

Мой хозяин, Клод Бюссьер, – преподаватель французского лицея в Афинах. Он приехал в этом сентябре вместе с женой и тремя детьми. Ему нужна была репетиторша для занятий с его потомством. Но при этом ещё и молодая особа, которая следила бы за порядком в доме, готовила еду и иногда ходила за покупками. Я, как ни в чём не бывало, с улыбкой сказала, что этого слишком много для «маленькой подработки». Посол был смущён. Мы оба знали, что отказываться в моём положении нельзя. Он пообещал регулярно интересоваться, как мои дела, чтобы увериться, что со мной всё хорошо и тут не пользуются моим положением. Я уверена, что он так и будет делать и я могу ему довериться.

В первый день мои хозяева были очаровательны. Моя спальня на одной лестничной площадке с их квартирой. Это маленький чулан с крошечным оконцем, выходящим в узкий неосвещённый дворик. Даже если я выверну шею, неба всё равно не видно.

Мадам Арманда (она хочет, чтобы я звала её именно так) была поистине счастлива доверить мне своих детей. Она наконец смогла вздохнуть, выйти, купить побрякушки, сходить к парикмахеру и сделать маникюр, устроить себе сиесту и просмотреть журналы, присланные из Парижа. Семья подписана на «Фигаро» и «Дом и сады», и она вдумчиво читает их, отмечая что-то для себя.

Но как быстро всё это испортилось! Она всё требовательнее. Её может рассердить сущий пустяк, и притом ни с того ни с сего, – тогда она принимается кричать и угрожать мне. Она считает меня слишком красивой. Так не может продолжаться долго, ей надо подыскать кого-нибудь другого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.